

Аннотация

Д.Б. Горохов и Ю.В. Горохова представляют результаты исследования, которое привело к выводу о том, что в действующих актах российского законодательства, а также в проектируемых нормах содержатся положения, «переводящие» животных и растения из объектов права в категорию субъектов права, что противоречит фундаментальным принципам правовой системы Российской Федерации. Такой вывод следует из проведенного авторами анализа проектов нового Кодекса об административных правонарушениях, Кодекса об административной ответственности, норм действующего КоАП РФ, Федерального закона «О техническом регулировании», который выявил наличие целого комплекса норм, оперирующих категорией «жизнь и здоровье животных и растений». В статье также проанализированы положения ряда международных актов в подтверждение гипотезы о том, что появление критикуемой правовой формулы связано с некорректной имплементацией международно-правовых норм в правовую систему Российской Федерации. По мнению авторов, в совокупности с другими пороками законодательной деятельности, это является свидетельством серьезнейших проблем с качеством правотворчества в стране.

Ключевые слова: *животные и растения как объекты права; защита жизни и здоровья животных и растений; законодательство о техническом регулировании; имплементация международно-правовых норм о защите животных и растений; сомнительная легитимизация; коррекция законодательства о защите животных от жестокого обращения; проблемы правотворчества.*

Животные и растения — субъекты права по законодательству Российской Федерации: констатация абсурда или научное открытие?

Вместо предисловия

Качество современного российского законодательства давно вызывает обоснованную критику правоведов — и ученых, и практиков. Чрезмерное «дробление» предмета регулирования или его неясное определение, неоправданное применение в законодательных актах оценочных или не имеющих ясных формулировок понятий, предоставление дискреционных полномочий правоприменителю — вот лишь несколько из «грехов» право-

творчества, допускаемых российским законодателем, несмотря на справедливую критику и обязательную правовую и антикоррупционную экспертизу проектов нормативных правовых актов. При этом количество принимаемых законов сохраняет постоянную тенденцию к росту, что создает трудности в отслеживании актуальных изменений даже для специалистов, занимающихся относительно узкой предметной областью права¹.

Авторами данной работы в силу служебных обязанностей и имеющегося научного интереса изучались два

¹ Азми Д.М. Тенденции развития системы права и системы законодательства в Российской Федерации // Адвокат. 2016. № 10.

важных документа: проекты Кодекса об административных правонарушениях (далее — проект КоАП РФ или КоАП РФ) и Кодекса об административной ответственности (далее — проект КоАО)². При этом обнаружилось явление, претендующее на научное открытие: оказалось, что животные и растения — субъекты права! Выяснилось, что нормы, охраняющие «жизнь и здоровье животных и растений», присутствуют в действующем КоАП РФ с 2011 г. (но об этом — далее). В другом действующем Федеральном законе они спокойно «живут» и «хорошо себя чувствуют» еще с 2002 г.

Здесь важно зафиксировать следующее. Во-первых, в любой науке, включая юридическую, специализация имеет не только положительное значение, поскольку не всегда требует широты профессионального взгляда. Ранее авторам проблема реального присутствия в правовой системе страны действующих норм об охране «жизни и здоровья животных и растений» не была известна. Позволим себе предположить, что сказанное относится ко многим нашим коллегам. И тут возникает вопрос: а где были, например, специалисты в области административного законодательства³? Во-вторых, представленный в данной статье результат исследования имеет отношение не только к проблеме состояния той или иной отрасли (ин-

ститута) права и законодательства. Результат работы заставляет удивляться до разочарования уровню профессионализма, значимости установок целеполагания инициаторов и разработчиков проектов законов, что выводит в широком смысле на проблему теории права, а именно — на деятельность по созданию правовых норм.

Однако обо всем по порядку.

Об охране «жизни и здоровья животных и растений» в проектах кодексов

В проекте КоАО, в его Особенной части, в главе 11 «Административные правонарушения в области промышленного производства и промышленной безопасности» в части 2 ст. 80⁴, в части 3 ст. 82⁵ и главе 12 «Административные правонарушения в сфере оборота товаров, выполнения работ, оказания услуг, рекламной деятельности, ценообразования» в части 2 ст. 86⁶, в части 2 ст. 96⁷ при определении составов правонарушений применяется одна и та же некорректная формулировка, которая, как вначале показалось, является новеллой.

Идентичная формулировка присутствует в проекте КоАП РФ, в его Особенной части, главе 18 «Админист-

² В конце прошлого года были разработаны два проекта федеральных законов: Кодекса Российской Федерации об административной ответственности и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. В настоящее время на различных уровнях проводится обсуждение и согласование этих документов. По сути, предлагается революция в административном праве, которая не может не повлиять на модернизацию всей правовой системы страны. Масштаб заявленных в законопроектах преобразований грандиозен хотя бы по сравнению с многочисленными и регулярными поправками в действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Следует констатировать, что название законопроекта КоАО значительно уже его содержания. Возможная аналогия с Уголовным кодексом Российской Федерации в виде объяснения позиции разработчиков будет выглядеть некорректно. При таком подходе следовало бы использовать название «Административный кодекс», что также представляется неверным.

Частое внесение поправок в отдельные положения базовых, основополагающих законов федерального уровня, а тем более их кардинальные изменения, включая применение новых названий, не являются стабилизирующим фактором для правовой системы страны и не служат цели повышения эффективности правоприменения. Приведенные аргументы не дают возможности согласиться с предлагаемым названием законопроекта — Кодекс Российской Федерации об административной ответственности, который, по сути, является новой редакцией действующего Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Не ставим цель ответить на вопрос, например, почему одновременно подготовлены и вынесены на обсуждение два проекта федеральных кодифицированных актов по одному и тому же важному предмету правового регулирования с незначительными различиями в их названии и в содержании? Не даем оценки структуре проектируемых законов и содержанию находящихся в них положений и норм. Со своего скромного места попытаемся лишь обратить внимание на чистоту юридической терминологии вообще и, в частности, на корректность формулировок применительно к такой незначительной категории объектов права, к которой принадлежат животные и растения.

³ Например, авторы постатейного комментария к Федеральному закону «О техническом регулировании» никак не отмечают такую, вежливо говоря, необычную для российского законодательства формулировку, как «охрана жизни и здоровья животных и растений». См.: Агешкина Н.А., Коржов В.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (по состоянию на 3 декабря 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Нарушение требований технических регламентов, иных обязательных требований к процессам производства продукции, самой продукции и условиям ее выпуска в обращение.

⁵ Недостоверное декларирование соответствия продукции.

⁶ Нарушение продавцом, исполнителем обязательных требований к товарам, работам, услугам.

⁷ Нарушение порядка маркировки продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия.

ративные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике» в части 2 ст. 18.4 «Нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий)». Эта же формулировка замечена в статьях главы 24 «Административные правонарушения в области технического регулирования», а именно: в части 3 ст. 24.1 «Недостоверное декларирование соответствия продукции», в части 2 ст. 24.3 «Нарушение порядка маркировки продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия», а также в части 2 ст. 24.7 «Нарушение изготовителем, исполнителем (лицом, выполняющим функции иностранного изготовителя), продавцом требований технических регламентов».

Речь идет об определении составов правонарушений, при которых деяния влекут «причинение вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений либо создают угрозу причинения вреда жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений».

Как видим, в качестве объектов посягательства административного правонарушения в перечне содержится указание на «жизнь или здоровье животных и растений», причем в едином перечне с такими объектами посягательства, как жизнь или здоровье граждан.

Очевидно, что к животным — объектам права (имуществу) применять такие определения в контексте причинения вреда их жизни или здоровью не только некорректно, но и ошибочно, поскольку подобные формулировки применимы только к человеку — субъекту права. В данном случае правовые аналогии с причинением вреда жизни или здоровью человека (людей, граждан, физических лиц, населения) не применимы. Указание же на причинение вреда жизни или здоровью растений с правовых позиций просто абсурдно.

Отмеченным наблюдением можно было бы завершить критику и поставить точку. Однако научная добросовестность требует продолжить исследование и выяснить, как и откуда возникла эта не согласующаяся с фундаментальными принципами российского права формули-

ровка, а самое главное — не проникла ли она в действующее законодательство Российской Федерации.

Анализ федеральных законов на предмет регулирования охраны жизни и здоровья

1. Обратимся за терминологической ясностью к федеральным законам о здоровье людей — субъектов права.

1.1. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 286-ФЗ) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Основы охраны здоровья граждан, Основы)⁸.

Именно этот Федеральный закон (ст. 1) имеет предмет своего регулирования отношения, возникающие в сфере охраны здоровья граждан в Российской Федерации. Соответственно все остальные законы (как и иное законодательство), включающие в свой предмет (объект) регулирования «здоровье», должны «равняться» на этот Закон, и, прежде всего, «подчиняться» ему терминологически.

Обратим внимание на самое главное понятие, используемое в Основы охраны здоровья граждан (ст. 2).

«Здоровье» — состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. В статьях 3, 4 Основ сформулированы важные принципы:

— *соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья* и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий;

— *государство обеспечивает гражданам охрану здоровья независимо от пола, расы, возраста, национальности, языка, наличия заболеваний, состояний, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и от других обстоятельств;*

— *нормы об охране здоровья, содержащиеся в других федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, не*

⁸ СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

должны противоречить нормам настоящего Федерального закона;

— в случае несоответствия норм об охране здоровья, содержащихся в других федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации, нормам настоящего Федерального закона применяются нормы настоящего Федерального закона. Таким образом, наличие в другом законодательстве, причем любого уровня — от федерального до муниципального — несоответствий и противоречий, в том числе терминологического характера, Основам охраны здоровья граждан, применяются нормы этого Федерального закона.

1.2. Близким по объекту применительно к общественным отношениям и предмету своего регулирования в сравнении с названным выше Законом является Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 305-ФЗ) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (далее — Закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии)⁹. Он регулирует отношения, возникающие в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения как одного из основных условий реализации конституционных прав граждан на охрану здоровья и благоприятную окружающую среду (ст. 4).

В данном Законе (ст. 1) используются, в частности, следующие основные понятия:

— «санитарно-эпидемиологическое благополучие населения» — состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие¹⁰ факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности¹¹;

— «факторы среды обитания» — биологические (вирусные, бактериальные, паразитарные и иные), химические, физические (шум, вибрация, ультразвук, инфразвук, тепловые, ионизирующие, неионизирующие и иные излучения), социальные (питание, водоснабжение, условия быта, труда, отдыха) и иные факторы среды обитания, которые оказывают или могут оказывать воздей-

ствие на человека и (или) на состояние здоровья будущих поколений;

— «санитарно-эпидемиологическая обстановка» — состояние здоровья населения и среды обитания на определенной территории в конкретно указанное время;

— «санитарно-эпидемиологические требования» — обязательные требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания, условий деятельности юридических лиц и граждан, в том числе индивидуальных предпринимателей, используемых ими территорий, зданий, строений, сооружений, помещений, оборудования, транспортных средств, несоблюдение которых создает угрозу жизни или здоровью человека, угрозу возникновения и распространения заболеваний и которые устанавливаются государственными санитарно-эпидемиологическими правилами и гигиеническими нормативами, а в отношении безопасности продукции и связанных с требованиями к продукции процессов ее производства, хранения, перевозки, реализации, эксплуатации, применения (использования) и утилизации, которые устанавливаются документами, принятыми в соответствии с международными договорами Российской Федерации, и техническими регламентами.

Следует констатировать, что Закон о санитарно-эпидемиологическом благополучии терминологически и содержательно соответствует Основам охраны здоровья граждан в Российской Федерации. При этом ни в первом, ни во втором законах нет места ни животным, ни растениям, применительно к охране их жизни и возмещению вреда их здоровью.

Федерального закона, определяющего терминологию, устанавливающего принципы и обеспечивающего регулирование отношений возникающих в сфере охраны «жизни и здоровья животных и растений» в Российской Федерации не существует (Его не может и не должно быть. — Прим. авт.), а приведенные выше федеральные законы на такие отношения свое действие не распространяют.

Для нашего случая подобное означает включение в проекты кодексов мертворожденных норм, поскольку,

⁹ СЗ РФ. 1999. № 14. Ст. 1650

¹⁰ «Вредное воздействие на человека» — воздействие факторов среды обитания, создающее угрозу жизни или здоровью человека либо угрозу жизни или здоровью будущих поколений.

¹¹ «Благоприятные условия жизнедеятельности человека» — состояние среды обитания, при котором отсутствует вредное воздействие ее факторов на человека (безвредные условия) и имеются возможности для восстановления нарушенных функций организма человека.

во-первых, таковых не должно быть согласно действующим федеральным законам, имеющим предметом (объектом) регулирования «жизнь» и «здоровье» и устанавливающим юридические основы в этой сфере. Во-вторых, применить на практике проектируемые нормы невозможно, так как они не могут быть распространены на животных и растения, включая их «жизнь и здоровье».

Очевидно, что другого результата, кроме отрицательного, быть не должно, поскольку названные действующие законы обеспечивают охрану и благополучие в сферах здоровья, санитарии и эпидемиологии исключительно в интересах жизни человека (людей, граждан, физических лиц, населения) — субъектов права. Это обстоятельство не требует доказательств. Однако, учитывая непростую ситуацию в правотворчестве, вынужденно приходится доказывать свою позицию.

2. Продолжим поиски терминологической ясности в законах федерального уровня, регулирующих отношения по охране окружающей среды, охране и использованию животных и растений.

2.1. Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ) «Об охране окружающей среды»¹² регулирует отношения в сфере взаимодействия общества и природы, возникающие при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, связанной с воздействием на природную среду как важнейшую составляющую окружающей среды, являющуюся основой жизни на Земле, в пределах территории Российской Федерации, а также на континентальном шельфе и в исключительной экономической зоне Российской Федерации.

Среди основных понятий, используемых в этом Законе, применительно к теме нашего исследования представляют интерес (ст. 1):

— «компоненты природной среды» — земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле;

— «вред окружающей среде» — негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов.

Необходимо отметить, что этот Закон (ст. 2) подробно устанавливает и определяет сферы отношений, отрасли и институты законодательства их регулирующие. Отношения, возникающие в области охраны и рационального использования природных ресурсов, их сохранения и восстановления, регулируются международными договорами Российской Федерации, земельным, водным, лесным законодательством, законодательством о недрах, животном мире, иным законодательством в области охраны окружающей среды и природопользования.

Отношения, возникающие в области охраны окружающей среды, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения, регулируются законодательством о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения и законодательством об охране здоровья, иным направленным на обеспечение благоприятной для человека окружающей среды законодательством.

Важно и то, что отношения в области охраны окружающей среды, возникающие при установлении обязательных требований к продукции, в том числе зданиям и сооружениям, или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, регулируются законодательством Российской Федерации о техническом регулировании¹³.

Среди основных принципов охраны окружающей среды устанавливаются (ст. 3):

— соблюдение права человека на благоприятную окружающую среду;

— обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека;

— запрещение хозяйственной и иной деятельности, последствия воздействия которой непредсказуемы для окружающей среды, а также реализации проектов, которые могут привести к деградации естественных экологических

¹² СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

¹³ Видимо, в этом законодательстве и содержится искомый ответ на поставленный вопрос. Однако, сохраняя интригу, скажем об этом чуть позже.

систем, изменению и (или) уничтожению генетического фонда растений, животных и других организмов, истощению природных ресурсов и иным негативным изменениям окружающей среды.

В Законе проведено различие между *вредом окружающей среде*, ее компонентам (природным ресурсам), включая *объекты животного мира и растения и вредом, причиненным здоровью и имуществу граждан*. При этом указания на «жизнь или здоровье животных и растений» в этом законе отсутствует, более того, аналогий с такими понятиями, применяемыми к человеку (людям, гражданам, физическим лицам) не предусматривается.

2.2. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ) «О животном мире»¹⁴ (далее — Закон о животном мире) регулирует отношения в области охраны и использования животного мира и среды его обитания в целях обеспечения биологического разнообразия, устойчивого использования всех его компонентов, создания условий для устойчивого существования животного мира, сохранения генетического фонда диких животных и иной защиты животного мира как неотъемлемого элемента природной среды (ст. 2).

Основными принципами в области охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания являются (ст. 12):

- обеспечение *устойчивого существования и устойчивого использования животного мира*;
- поддержка деятельности, направленной на *охрану животного мира и среды его обитания*;
- осуществление *пользования животным миром* способами, не допускающими *жестокое обращение с животными*, в соответствии с общими *принципами гуманности*.

Этот Закон оперирует следующими основными понятиями (ст. 1):

- «*объект животного мира*» — организм животного происхождения (*дикое животное*);

— «*устойчивое существование животного мира*» — существование объектов животного мира в течение неопределенно длительного времени;

— «*использование объектов животного мира*»¹⁵ — *изучение, добыча объектов животного мира или получение иными способами пользы от указанных объектов* для удовлетворения материальных или духовных потребностей человека с изъятием их из среды обитания¹⁶ или без такового;

— «*охрана животного мира*» — деятельность, направленная на *сохранение биологического разнообразия и обеспечение устойчивого существования животного мира*, а также на создание условий для устойчивого использования и воспроизводства объектов животного мира¹⁷.

Для нашего исследования важно обстоятельство, при котором данный Закон, регулируя отношения в области охраны и использования животного мира и среды его обитания, *не устанавливает предмет своего регулирования «жизнь и здоровье» диких животных*. Напротив, Закон, обеспечивая охрану, устанавливает ограничения и запреты на использование объектов животного мира (их особей, популяций), требования к осуществлению деятельности людей.

Юридические лица и граждане, занимающиеся содержанием и разведением объектов животного мира, обязаны гуманно обращаться с ними, соблюдать надлежащие санитарно-ветеринарные и зоогиgienические требования к их содержанию. Несоблюдение указанных требований влечет за собой административную и уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации, а объекты животного мира подлежат конфискации в судебном порядке (ст. 26).

В целях охраны здоровья населения, устранения угрозы для жизни человека, предохранения от заболеваний сельскохозяйственных и других домашних животных, предотвращения нанесения ущерба народному хозяйству, животному миру и среде его обитания осуществ-

¹⁴ СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1462.

¹⁵ «Пользование животным миром» — юридически обусловленная деятельность граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц по использованию объектов животного мира.

¹⁶ «Среда обитания животного мира» — природная среда, в которой объекты животного мира обитают в состоянии естественной свободы.

¹⁷ «Охрана среды обитания животного мира» — деятельность, направленная на сохранение или восстановление условий устойчивого существования и воспроизводства объектов животного мира.

ляются меры по регулированию численности отдельных объектов животного мира (ст. 27).

Юридические лица и граждане обязаны принимать меры по предотвращению *заболеваний и гибели объектов животного мира* при проведении сельскохозяйственных и других работ, а также при эксплуатации ирригационных и мелиоративных систем, транспортных средств, линий связи и электропередачи. Запрещается выжигание растительности, хранение и применение ядохимикатов, удобрений, других опасных для объектов животного мира и среды их обитания материалов, сырья и отходов производства без осуществления мер, гарантирующих предотвращение *заболеваний и гибели объектов животного мира, а также ухудшения среды их обитания* (ст. 28).

Терминологически и содержательно этот Закон соответствует Федеральному закону «Об охране окружающей среды», развивает и конкретизирует его положения. Федеральным законом «О животном мире» охраняется не «жизнь и здоровье диких животных», а обеспечивается сохранение, воспроизводство объектов животного мира и среды их обитания. Вредные последствия для объектов животного мира определяются в виде действий людей, которые могут привести к «заболеванию, гибели, сокращению численности или нарушению среды обитания объектов животного мира». В данном Законе употребляются термины: «охрана здоровья», «угроза для жизни», но применительно к населению и человеку в контексте вызванного необходимостью регулирования численности объектов животного мира. Указание на «жизнь или здоровье животных» в этом законе отсутствует, более того, аналогий с такими понятиями, применяемыми к человеку (людям, гражданам, физическим лицам) не предусматривается.

2.3. Согласно Закону РФ от 14 мая 1993 г. № 4979-1 (в ред. от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ) «О ветеринарии» (ст. 1, 5, 13, 16, 17, 22)¹⁸ (далее — Закон о ветеринарии) применительно к вредным последствиям для животных используются следующие формулировки: «*заразные и иные болезни*», «*заразные и массовые незаразные болезни*», «*особо опасные болезни*», «*болезни общие для человека и животных*».

¹⁸ Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 24. Ст. 857.

¹⁹ СЗ РФ. 1995. № 32. Ст. 3199.

Указание на «жизнь или здоровье животных» в этом законе отсутствует, аналогий с такими понятиями, применяемыми к человеку (людям, гражданам, физическим лицам) не предусматривается.

2.4. Федеральный закон от 3 августа 1995 г. № 123-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2016 г. № 104-ФЗ) «О племенном животноводстве»¹⁹ (далее — Закон о племенном животноводстве) устанавливает правовую основу деятельности по разведению племенных животных, производству и использованию племенной продукции (материала), определяет полномочия государственной племенной службы по регулированию указанной деятельности, а также права и обязанности граждан и юридических лиц в области племенного животноводства.

Законодательство Российской Федерации в области племенного животноводства регулирует отношения в области разведения племенных животных, производства и использования племенной продукции (материала) во всех отраслях животноводства, включая птицеводство, звероводство и пчеловодство (ст. 4). Указания на «жизнь или здоровье животных» в этом законе так же отсутствуют.

2.5. В Лесном кодексе РФ (далее — ЛК РФ) для нашего исследования представляет интерес положение статьи 54 «Защита лесов». Установлено, что защита лесов направлена на выявление в лесах вредных организмов (растений, животных, болезнетворных организмов, способных при определенных условиях *нанести вред лесам или лесным ресурсам*) и предупреждение их распространения, а в случае возникновения очагов вредных организмов, отнесенных к карантинным объектам, — на их локализацию и ликвидацию.

Таким образом, ЛК РФ терминологически и содержательно развивает и конкретизирует положения Федерального закона «Об охране окружающей среды». Применительно к лесам употребляется следующая терминология: «сохранение, использование, воспроизводство, охрана и защита лесов». Определяются неблагоприятные последствия в виде вреда лесам или лесным ресурсам, но не их «жизни и здоровью». Напротив, одним из принципов Лесного кодекса является использование ле-

сов способами, не наносящими вреда окружающей среде и здоровью именно человека.

2.6. Федеральный закон от 17 декабря 1997 г. № 149-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ) «О семеноводстве»²⁰ (далее — Закон о семеноводстве) устанавливает правовую основу деятельности по производству, заготовке, обработке, хранению, реализации, транспортировке и использованию семян сельскохозяйственных и лесных растений, а также организации и проведения сортового контроля и семенного контроля (ст. 2–4). Согласно этому Закону (ст. 1) семеноводство определяется как деятельность по производству, заготовке, обработке, хранению, реализации, транспортировке и использованию семян сельскохозяйственных²¹ и лесных²² растений, а также сортовой контроль и семенной контроль.

Норм о причинении вреда жизни и здоровью людей, вредных последствий для животных и растений данный Закон не содержит.

2.7. Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ (в ред. от 13 июля 2015 г. № 233-ФЗ) «О карантине растений»²³ (далее — Закон о карантине растений) обеспечивает охрану растений и территории Российской Федерации от проникновения на нее и распространения по ней карантинных объектов, предотвращение ущерба от распространения карантинных объектов (ст. 1). Основные понятия, используемые в этом Законе (ст. 2):

— «растения» — растения и их части, включая семена (семенной материал) и генетический материал;

— «посадочный материал» — плоды, соплодия, части сложных плодов, не являющиеся семенным материалом, растения или их части, употребляемые для размножения вегетативным путем;

— «вредный организм» — жизнеспособное растение любых вида, сорта или биологического типа, животное либо болезнетворный организм любого вида, биологического типа, которые способны нанести вред растениям или продукции растительного происхождения;

— «карантин растений» — правовой режим, предусматривающий систему мер по *охране растений и продукции растительного происхождения* от карантинных объектов на территории Российской Федерации.

Понятия «жизнь и здоровье» употребляются в этом законе исключительно применительно к человеку в контексте причинения вреда жизни и здоровью людей при проведении карантинного фитосанитарного обеззараживания (ст. 27). Фитосанитарное обеззараживание допускается только при обеспечении в месте его проведения условий для его проведения способами, не создающими угрозы причинения вреда жизни или здоровью людей, вреда окружающей среде при использовании подкарантинной продукции, подкарантинных объектов после проведения указанного обеззараживания.

Таким образом, в этом Законе применительно к растениям употребляется терминология, соответствующая Федеральному закону «Об охране окружающей среды». Растения и продукция растительного происхождения именно охраняются от вредных последствий.

Следует констатировать, что «жизнь и здоровье» лесов и растений ни терминологически, ни содержательно не являются предметом (объектом) регулирования ЛК РФ, а также федеральных законов о семеноводстве и о карантине растений.

3. Наш поиск терминологической ясности в законах федерального уровня на предмет понятийного определения и регулирования охраны жизни и здоровья не только людей, но и животных и растений, приблизился к кульминации.

Речь идет о Федеральном законе от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ (в ред. от 5 апреля 2016 г. № 104-ФЗ) «О техническом регулировании»²⁴ (далее — Закон о техническом регулировании). Следует отметить, что на протяжении своей недолгой жизни этот Закон подвергался изменениям уже 23 раза²⁵.

²⁰ СЗ РФ. 1997. № 51. Ст. 5715.

²¹ Сельскохозяйственные растения — зерновые, зернобобовые, кормовые, масличные, эфирномасличные, технические, овощные, лекарственные, цветочные, плодовые, ягодные растения, картофель, сахарная свекла, виноград, используемые в сельскохозяйственном производстве.

²² Лесные растения — лесные древесные и кустарниковые растения, используемые в лесном хозяйстве.

²³ СЗ РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4207.

²⁴ СЗ РФ. 2002. № 52 (ч. I). Ст. 5140.

²⁵ При проведении настоящего исследования и написании данной статьи (октябрь 2016 г.) авторами использован текст Закона в редакции всех изменений, включая редакцию Федерального закона от 5 апреля 2016 г. № 104-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам стандартизации» // СЗ РФ. 2016. № 15. Ст. 2066.

Закон регулирует отношения, возникающие при разработке, принятии, применении и исполнении обязательных требований к продукции, в том числе зданиям и сооружениям, или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации (ст. 1).

В этих целях в правовую систему страны Законом (ст. 2) введена норма, определяющая понятие «безопасность продукции и связанных с ней процессов производства, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации». Такое понятие определяется как состояние, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением «вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений».

В свою очередь, «риск» — это «вероятность причинения вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда».

В Законе (ст. 6) установлены цели принятия технических регламентов: во-первых, для защиты жизни или здоровья граждан, имущества физических или юридических лиц, государственного или муниципального имущества, во-вторых, для охраны окружающей среды, жизни или здоровья животных и растений.

Установлено содержание и применение технических регламентов (ст. 7). Для нашего исследования важно, что ветеринарно-санитарными и фитосанитарными мерами могут предусматриваться требования к продукции, методам ее обработки и производства, процедурам испытания продукции, инспектирования, подтверждения соответствия, карантинные правила, в том числе требования, связанные с перевозкой животных и растений, необходимых для обеспечения жизни или здоровья животных и растений во время их перевозки материалов, а также методы и процедуры отбора проб, методы исследования и оценки риска и иные содержащиеся в технических регламентах требования (п. 9 ст. 7).

Уполномоченным Правительством РФ федеральным органом исполнительной власти организуются постоянные учет и анализ всех случаев причинения вреда вследствие нарушения требований технических регламентов жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений с учетом тяжести этого вреда, а также организуется информирование приобретателей, в том числе потребителей, изготовителей и продавцов о ситуации в области соблюдения требований технических регламентов (ч. 12 ст. 7).

Законом (ст. 10) установлен особый порядок разработки и принятия технических регламентов. Так, в исключительных случаях при возникновении обстоятельств, приводящих к непосредственной угрозе жизни или здоровью граждан, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений, и в случаях, если для обеспечения безопасности продукции или связанных с требованиями к ней процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации необходимо незамедлительное принятие соответствующего нормативного правового акта о техническом регламенте, Президент РФ вправе издать технический регламент без его публичного обсуждения.

Закон (ст. 36) устанавливает, что за нарушение требований технических регламентов изготовитель (исполнитель, продавец, лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя) несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В случае если в результате несоответствия продукции требованиям технических регламентов, нарушений требований технических регламентов при осуществлении связанных с требованиями к продукции процессов проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации причинен вред жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений или возникла угроза причинения такого вреда, изготовитель (исполнитель, продавец, лицо,

выполняющее функции иностранного изготовителя) *обязан возместить причиненный вред* и принять меры в целях недопущения причинения вреда другим лицам, их имуществу, окружающей среде в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Итак, именно Закон о техническом регулировании первым в отечественной системе права в части охраны жизни и здоровья «уравнивал» человека (людей, граждан, физических лиц, население) — субъектов права с животными и растениями — объектами права. Причем уравнивание происходит как по виду конституционного права, предусмотренного исключительно для человека, так и по способу защиты этого права — привлечение к юридической ответственности правонарушителя и возмещение им причиненного вреда (ущерба), в том числе реализуя право на обращение в суд. Звучит абсурдно, но нормы этого Закона имеют такую конструкцию, а его логика такова, что потерпевшими должны признаваться не только люди, но и животные и растения!

Объективная оценка сложившейся ситуации, с учетом терминологии, принципов и содержания, исследованных ранее федеральных законов позволяет сделать следующий вывод. В части определения (терминологии) и выбранного предмета (объекта) регулирования в виде охраны жизни или здоровья животных и растений от причиненного вреда именно их жизни и здоровью, Закон о техническом регулировании противоречит всему остальному имеющемуся российскому законодательству. Более того, исследуемые нормы этого Закона никак не согласуются с принципами и нормами российского права, в том числе фундаментальными, относящими животных и растения к объектам, а не субъектам права.

Важно отметить, что критикуемая формула о жизни и здоровье животных и растений была спроектирована и изначально присутствовала в этом Законе с момента его принятия, утверждения и подписания (самый конец декабря 2002 г.). Закон с такой формулой вступил в силу по истечении шести месяцев со дня его официального опубликования. При этом все дальнейшие многочисленные изменения (поправки) в течение жизни данного источника отечественного права не касались формулы «причине-

ние вреда жизни или здоровью животных и растений» либо «создание угрозы причинения вреда жизни или здоровью животных и растений». Отмеченное обстоятельство свидетельствует о том, что законодателя и профессиональное сообщество такая ситуация вполне устраивает, что можно объяснить либо безразличием, либо отсутствием должной компетентности. Возможно, благостное отношение к очевидному абсурду стало нормой поведения? По крайней мере, нам не известно о критических выступлениях по данной проблеме.

Международные нормы о защите животных и растений

Установив, что мертворожденные нормы о защите жизни и здоровья животных и растений содержатся не только в проектах КоАП РФ и КоАО об административной ответственности, но и в действующем Федеральном законе «О техническом регулировании», авторы решили выяснить не менее важный вопрос: откуда они появились? Поскольку уравнивание животных и растений с людьми чуждо российской правовой системе, нами была выдвинута гипотеза об иностранном происхождении данной новеллы, проникшей в Закон о техническом регулировании в связи с вступлением России во Всемирную торговую организацию и подписанием пакета соглашений ВТО, например, ввиду того, что принято называть трудностями перевода. Гипотеза подтвердилась.

Действительно, в Преамбуле Соглашения ГАТТ — ВТО от 15 апреля 1994 г. по техническим барьерам в торговле²⁶ зафиксировано: «ни одной стране не должно создаваться препятствий для принятия мер, необходимых для обеспечения качества ее экспорта, или *защиты жизни и здоровья людей, животных или растений*, охраны окружающей среды». Необходимо подчеркнуть, что данная формулировка в Соглашении встречается лишь один раз и только в его Преамбуле. Кроме того, ее можно трактовать и в привычном для нас смысле: «для защиты жизни и здоровья людей, *защиты* животных или растений, охраны окружающей среды».

²⁶ Текст Соглашения размещен на сайте Комитета РСПП по интеграции, торгово-промышленной политике и ВТО // http://www.rgwto.com/wto.asp?id=3668doc_id=2099.

В другом международном документе — Конвенции (СИТЕС) «О международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения», подписанной в Вашингтоне 3 марта 1973 г.²⁷, для целей Конвенции вводится понятие «образец», под которым подразумевается «любое животное или растение, будь оно живое или мертвое». Интересующие нас нормы присутствуют в статье IV «Контроль торговли образцами видов, указанных в приложении II»²⁸. В подпункте «в» п. 2 названной статьи предусмотрено: «Административные органы экспортирующего государства получают удовлетворительные доказательства того, что всякий живой образец будет приготовлен к отправке и отправлен с минимумом риска повреждения, угрозы здоровью или жестокого обращения». Аналогичная обязанность с идентичной формулировкой установлена для административных органов реэкспортирующего государства (подп. «б» п. 5), а также для административных органов государства интродукции²⁹ живых образцов. Как видим, здесь категории «здоровье» и «жестокое обращение» использованы применительно не только к животным, но и к растениям.

Положения о недопустимости причинения вреда жизни и здоровью животных и растений встречаются и в других международных документах с участием Российской Федерации. Не претендуя на полноту охвата, остановимся на двух. Так, в Соглашении государств — членов Таможенного союза об устранении технических барьеров во взаимной торговле с государствами — участниками Содружества независимых государств, не являющимися государствами — членами Таможенного союза (Москва, 17 декабря 2012 г.)³⁰ в статье 9 установлено: «Стороны и Заинтересованное государство, руководствуясь интересами защиты жизни или здоровья человека, животных и растений, могут временно вводить санитарные, ветеринарно-санитарные или фитосанитарные ограничительные меры в отношении отдельных видов

продукции на основе имеющейся надлежащей информации о наличии угрозы причинения вреда (включая информацию, полученную от соответствующих международных организаций), а также информации о санитарных, ветеринарно-санитарных и фитосанитарных мерах, применяемых другими государствами».

В статье 2 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее также — ЕАЭС), подписанном в Астане 29 мая 2014 г.³¹, стороны обязались создавать единое экономическое пространство «на котором функционируют сходные (сопоставимые) и однотипные механизмы регулирования экономики, основанные на рыночных принципах и применении гармонизированных или унифицированных правовых норм, и существует единая инфраструктура», осуществлять единую политику, предполагающую «применение государствами-членами унифицированного правового регулирования». В этих целях стороны стремятся не только к «гармонизации законодательства», под которой понимается «сближение законодательства государств-членов, направленное на установление сходного (сопоставимого) нормативного правового регулирования в отдельных сферах», но даже к его «унификации» — сближению законодательства государств-членов, направленному на установление идентичных механизмов правового регулирования в отдельных сферах, определенных Договором.

Обращает на себя внимание статья 29 Договора, в которой среди приоритетных социальных ценностей, оправдывающих введение ограничений во взаимной торговле, названы:

- охрана жизни и здоровья человека;
- защита общественной морали и правопорядка;
- охрана окружающей среды;
- охрана животных и растений, культурных ценностей.

Как видим, речь идет об охране животных и растений, а не их «жизни и здоровья».

²⁷ Конвенция вступила в силу для СССР 8 декабря 1976 г. // СПС «Гарант».

²⁸ См. новый Перечень видов животных и растений, подпадающих под действие Конвенции о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (СИТЕС), утвержденный 16 Конференцией СИТЕС и действующий с 12 июня 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹ «Интродукция из моря» означает привоз в государство образцов любого вида, изъятых из морской среды, не находящейся в юрисдикции какого-либо государства — формулировка подпункта «д» ст. 1 «Определения» Конвенции.

³⁰ СПС «КонсультантПлюс».

³¹ Действует в ред. Договора от 10 декабря 2014 г., Протокола от 8 мая 2015 г., с изм., внесенными Договором от 23 декабря 2014 г., Протоколом от 8 мая 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Однако в разделе X «Техническое регулирование» мы, как и ожидалось, снова встречаем эту формулу. Так, в статье 52 «Технические регламенты Союза и стандарты» зафиксировано, что технические регламенты Союза принимаются «в целях защиты жизни и (или) здоровья человека, имущества, окружающей среды, *жизни и (или) здоровья животных и растений*, предупреждения действий, вводящих в заблуждение потребителей, а также в целях обеспечения энергетической эффективности и ресурсосбережения...». Далее, в разделе XI Договора, посвященного санитарным, ветеринарно-санитарным и карантинным фитосанитарным мерам, в статье 56 «Общие принципы применения санитарных, ветеринарно-санитарных и карантинных фитосанитарных мер» установлено, что перечисленные меры «применяются на основе принципов, имеющих научное обоснование, и только в той степени, в которой это необходимо *для защиты жизни и здоровья человека, животных и растений*».

Итак, наше исследование показало, что понятие «защита жизни и (или) здоровья животных и растений» «импортировано» при имплементации международно-правовых норм в связи с международными обязательствами Российской Федерации при ее вступлении в ВТО, а далее транслировано в национальное законодательство и международные соглашения.

Эпилог (заключительные выводы)

Авторский консерватизм во взгляде на данную проблему объясняется и тем, что нормы об охране (защите) жизни или здоровья животных и растений невозможно реализовать ни юридически, ни организационно. Более того, даже создание всех видов обеспечительных механизмов в целях реализации таких норм все равно не даст возможности законно и обоснованно их применить на практике. При всей искренней любви авторов к животным и растениям, очевидно, что их биология, включая уровень сознания и степень его организации, существенно отличается от человеческой. Поэтому изучением организма человека и организмов представителей флоры и фауны занимаются разные науки. С одной стороны — медицина, санитария, эпидемиология. С другой — ботаника, агро-

номия, зоология, ветеринария. Юриспруденция «обслуживает» и людей, и флору и фауну, однако с большой разницей: первых — в качестве субъектов права, а вторых — исключительно как объекты.

Юристы не могут не видеть и различия в правоотношениях, возникающих в связи с охраной жизни и здоровья человека (людей, граждан, физических лиц, населения) — субъектов права и охраной животных и растений в качестве природного ресурса, компонента природной среды или имущества — объектов права. Юридическая логика подсказывает, что обязательно должно присутствовать различие и в отраслях и институтах права и законодательства, определяющего, устанавливающего и регулирующего соответствующие правоотношения, что влечет различие в терминологии и способе, а главное — в предмете регулирования.

Казалось бы, все сказанное очевидно и не требует доказательств, поэтому не следует обозначенной проблеме уделять такое внимание. Однако как быть с действующими нормами, входящими в федеральные законы? Например, действующий КоАП РФ «держался» почти девять лет, однако не смог устоять перед сомнительными положениями Закона о техническом регулировании. Кодекс открылся для проникновения в него норм Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 237-ФЗ, а именно: внесения изменений в части установления ответственности за причинение вреда жизни или здоровью животных и растений, включая угрозу причинения такого вреда. В результате возникла и продолжает действовать ситуация, когда критикуемая формулировка содержится и в статьях КоАП РФ: часть 2 ст. 9.4 «Нарушение обязательных требований в области строительства и применения строительных материалов (изделий)», часть 3 ст. 14.44 «Недостоверное декларирование соответствия продукции», часть 2 ст. 14.46 «Нарушение порядка маркировки продукции, подлежащей обязательному подтверждению соответствия». В упомянутых в начале данной статьи проектах КоАО и КоАП РФ предпринята попытка инкорпорации статей действующего КоАП РФ без изменения их содержания.

Перечисленные нормы действующего КоАП РФ определяют и устанавливают требования к субъектам экономической (хозяйственной, предпринимательской) деятельности, а за их нарушение предусматривают ответ-

ственность. На основании этих норм на практике должна происходить квалификация правонарушений и назначаться наказание виновным! Потерпевшие животные и растения — жертвы, пострадавшие от противоправных действий, с надеждой ожидают справедливости в виде наказания виновных и возмещения им — животным и растениям в качестве потерпевших причиненного вреда их жизни или здоровью. А как можно обойти вниманием требование Закона о техническом регулировании, транслированное в КоАП РФ о том, что вред жизни или здоровью животных и растений подлежит возмещению с учетом тяжести этого вреда? Ведь имеющиеся составы правонарушений являются квалифицированными, у них выше общественная опасность и тяжесть последствий, за их совершение предусматривается повышенная ответственность по сравнению с ответственностью за совершение правонарушений, квалифицируемых по основным составам. Каким способом, например, определить причинение вреда здоровью пострадавшему домашнему фикусу, а также степень его тяжести? И кто должен это определять? Применительно к людям такой вред определяется в виде: легкого расстройства здоровья, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. По отношению к животным и растениям юридический порядок определения, установления и оформления вреда здоровью, влияющего на их жизнеспособность не установлен. Аналогия с людьми в этом случае не применима. Что делать? Как работать правоприменителям? Как воспользоваться своим правом и реализовать его потерпевшим? Действующее законодательство не дает возможности представить ситуацию и спрогнозировать реакцию судьи или должностного лица органа государственного надзора в случае обращения к ним домохозяйки за защитой права своего любимого фикуса в результате причинения вреда его здоровью (из 10 имеющихся листьев три изменили естественный цвет). Та же причина не позволяет нам представить ситуацию ни с кошкой, ни с собакой, ни с иным домашним животным, а в случае с дикими животными и лесной растительностью — объектами животного мира и компонентами природной среды — тем более. Это просто сумасшествие!

Для собственников (владельцев) домашних животных, комнатных и садовых растений, воспринимающих собаку, кота, хомячка, даже фикус как членов своей семьи,

животные и растения в юридическом смысле — все равно имущество. Наше человеческое (персональное) отношение к животным и растениям, включая их состояние и комфорт, относится прежде всего к морально-нравственным и этическим нормам, традициям и воспитанию. Однако знака равенства между чувствами людей и нормами права быть не может и не должно. Тем более не может быть в праве аналогии между жизнью или здоровьем людей и идентичными категориями применительно к животным и растениям.

При причинении вреда личности (человеку, гражданину) или его имуществу, а также при причинении вреда имуществу юридического лица возникают обязательства вследствие причинения вреда. Такие отношения регулируются гражданским законодательством. В случае причинения вреда животным и растениям, являющимся объектами права собственности физических или юридических лиц речь должна идти о возмещении вреда имуществу (ст. 1064–1083 ГК РФ). Для нашего случая важное место занимают статьи 1095–1098 ГК РФ, регулирующие возмещение вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг.

Если существует причинно-следственная связь между причинением вреда имуществу гражданина — собственнику домашнего животного или растения и последствиями в виде наступления вреда жизни или здоровью самого потерпевшего гражданина, то исключительно в этом случае речь может идти о возмещении вреда, причиненного его жизни или здоровью — именно человека и гражданина. Более того, в этом случае ГК РФ предоставляет право потерпевшему физическому лицу предпринять меры по компенсации морального вреда (ст. 1099–1101). Причем компенсация морального вреда осуществляется независимо от подлежащего возмещению имущественного вреда.

Если же животные и растения относятся к компонентам природной среды, то субъекты, причинившие вред объектам животного мира и среде их обитания либо лесам или лесным ресурсам (растениям) возмещают нанесенный ущерб наравне с ущербом окружающей среде добровольно либо по решению суда. В этом случае решающее значение имеют органы государства (федерального и регионального уровня) и органы местного само-

управления, выражающие интересы и отстаивающие право собственности государства и муниципального образования на природные ресурсы. Полученные средства в результате возмещения вреда объектам животного мира, лесам и иной дикой растительности поступают соответственно в бюджеты федерального, регионального и местного значения.

Однако ни в частных, ни в публичных интересах в действующем законодательстве не устанавливается и не должно устанавливаться «возмещение вреда жизни или здоровью животных и растений». Отсутствуют такая терминология, основания и порядок такого возмещения. Исключение для всей отечественной правовой системы составляют Закон о техническом регулировании и три транслированные из него статьи в действующий КоАП РФ.

В чем причина таких новаций и почему они стали нормами этого федерального закона? Мы полагаем, что это результат гиперактивной и непродуманной имплементации, характеризующий период модернизации отечественного права, когда имплементировать были готовы все, что поддается такому процессу. В результате заимствовано положение, напоминающее предупреждения импортных производителей бытовой техники, адресованные незадачливым потребителям. Например, о непригодности печи СВЧ для сушки животных после их купания, про бензопилу, которую при запуске не следует держать между ног и т.д. и т.п. Возможна и причина «трудностей перевода», его неадаптированности к российским реалиям, например, к строгой ориентации на предмет регулирования, терминологию, характеризующих российскую правовую систему. Но ведь именно поэтому имплементация международных правовых норм в национальное законодательство и не требует дословного воспроизведения формул международных актов!

Нами установлено, что применить на практике такие действующие нормы невозможно. В то же время нормотворцы, а среди них серьезные и уважаемые люди — субъекты права законодательной инициативы — значимые для страны юристы предпринимают попытки путем инкорпорации имеющихся, сомнительных до абсурда, «мертвых» норм включить подобные положения в проекты кодексов об административной ответственности и правонарушениях. О чем свидетельствует данный факт: о тенденции? Что даль-

ше? Будем задаваться извечными вопросами: кто виноват и что делать, кроме выражения сострадания к правовой системе, ее состоянию и возможным вариантам ее развития, порой граничащим с откровенным абсурдом?

Федеральные кодифицированные нормативные правовые акты, такие как КоАП РФ и УК РФ, определяющие составы правонарушений и устанавливающие ответственность за их совершение применительно к животным (объектам животного мира, охотничьему ресурсу, объекту рыболовства, домашним, сельскохозяйственным, зоопарковым, цирковым, служебным и пр. животным) должны развивать положения законов федерального уровня: ГК РФ, законов об охране окружающей среды, о животном мире, о ветеринарии, о племенном животноводстве, о рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов, об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов, в которых отсутствует указание на противоправность поведения, направленного на причинение «вреда жизни и здоровью животных». Такая же позиция должна быть и в отношении развития положений ГК РФ, ЛК РФ, законов об охране окружающей среды, о семеноводстве и о карантине растений применительно к лесу, зеленым насаждениям и декоративным (комнатным) растениям, в которых не содержится понятий и категорий в части «вреда жизни и здоровью растений».

При этом должен использоваться единый понятийно-терминологический аппарат. В противном случае будут отсутствовать согласованность между нормативными правовыми актами и возникать коллизии в их толковании и практике применения, приводящие к невозможности их реализации.

По этой причине нельзя согласиться с использованием в указанных действующих нормативных правовых актах и проектах законов формулировки: «причинение вреда жизни или здоровью животных и растений либо создание угрозы причинения вреда жизни или здоровью животных и растений». Критикуемая правовая формула должна быть *исключена из Закона о техническом регулировании и КоАП РФ, а также проектов КоАО и КоАП РФ*. Представляется, что не требует доказательств отсутствие необходимости дальнейшего проектирования таких и подобных изменений, имеющих отношение к праву вообще и отечественному законодательству в частности. В имею-

щемся контексте норм статей формулировка: «причинение вреда имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде» полностью охватывает лишнее и некорректное дополнение в виде причинения «вреда жизни или здоровью животных и растений» либо создания «угрозы причинения вреда их жизни или здоровью».

В противном случае правовое настоящее и будущее укладывается в поговорку: это было бы смешно, когда бы не было так грустно. Представим, что Нобелевским лауреатом становится ученый, который осуществил открытие, например уровня дополнения периодической таблицы Менделеева новым химическим элементом, получившим название «юридий». В нашем случае (по аналогии с достижениями в естественных науках) мы смело можем утверждать, что путем наблюдения, анализа и оценки действующего российского законодательства, а также отечественной практики нормотворческого процесса, применив новую юридическую технологию — мониторинг, мы обнаружили такой «юридий» в правовой системе Российской Федерации и сделали вывод, что животные и даже растения в отечественном праве признаются субъектами права. В российском законодательстве на животных и растения распространяется правовой режим (такой способ заслуживает названия — «юризм»), предусмотренный для людей (граждан, населения) — субъектов права, в части юридической охраны и защиты их основных прав и свобод. Речь идет, не много не мало, о самых главных правах — о жизни и здоровье, включая причинение не только реального вреда жизни или здоровью животных и растений, но и угрозы причинения такового.

Результат нашего исследования показывает, что на нелепый вопрос о том, являются ли животные и растения субъектами права по российскому законодательству, приходится давать положительный ответ, потому что это является объективным фактом. Не претендуя на «важность открытия» в юридической науке, награды и повышенное уважение коллег, с сожалением констатируем этот

факт и то, что такая ситуация возникла потому, что государством, законодателем и обществом допускается некомпетентность и неряшливость в процессе проектирования, принятия и применения норм права.

Такая ситуация, к сожалению, приводит к юридическому абсурду, когда в систему права неожиданно вторгаются «юридии», а затем комфортно присутствуют в ней, не поддаваясь утрате силы и даже коррекции, получают свое дальнейшее развитие путем проектирования очередных новаций в виде подобных себе «юридиев», появляющихся на свет специальным способом размножения — с помощью «юризма». Инициаторов и разработчиков не интересуют отсутствие согласованности (нестыковка), прямое противоречие с другими действующими нормами и даже базовыми нормативными правовыми актами, включая кодифицированные акты федерального уровня, не останавливает их противоречие принципам и даже фундаментальным основам права, что влечет, как минимум, отсутствие возможности применения создаваемых «юридиев». Коллеги-юристы, ученые и практики на такие фактические обстоятельства не реагируют. В итоге и государство, и законодатель, и общество получили опасную тенденцию, дестабилизирующую правовую систему. Мы неоднократно определяли ее как «сомнительную легитимизацию», называли примеры попыток ее осуществления³², выражали опасения, когда случай «допускаемой неправомерности» может стать реальным актом «сомнительной легитимизации», причем в виде федерального закона.

Отмеченные фактические обстоятельства заставляют говорить о тенденции. Иначе как объяснить систематические ошибки в процессе сегодняшнего правотворчества, в частности, при благородных попытках коррекции действующей редакции статьи 245 УК РФ, а также КоАП РФ в части установления ответственности за жестокое обращение с животными?

Откуда берутся ошибки в определении объекта посягательства? Специалистам очевидно, что ни жизнь, ни здоровье животных, ни сами животные не являются в данном

³² Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // *Законодательство и экономика*. 2015. № 3. С. 22–41; Горохов Д.Б. О тенденции сомнительной легитимизации // *Законодательство и экономика*. 2015. № 10. С. 75–78; Горохов Д.Б. О принципиальном значении «незначительных» вопросов // *Развитие земельно-правовой науки: история и современность: Материалы круглого стола / сост. С.А. Боголюбов, С.А. Липски, М.В. Пономарев, Д.О. Сиваков*. — М.: изд-во ГУЗ, 2015. С. 68–73; Горохов Д.Б. Проблемы правотворчества и соблазн сомнительной легитимизации: когда охота пуще неволи // *Адвокат*. 2016. № 2. С. 23–40; Горохов Д.Б. О некоторых тенденциях в современном российском законотворчестве // *Законодательство и экономика*. 2016. № 6. С. 19–38.

составе правонарушения объектом. В статье 245 УК РФ объект преступления — общественная нравственность, обуславливающая необходимость гуманного отношения людей к животным при их содержании и обращении с ними. Аналогичный объект посягательства и у административного правонарушения, выражающегося в жестоким обращении с животными.

Почему инициаторами и разработчиками подобных юридических новаций допускается прямая аналогия с насильственными правонарушениями в отношении жизни и здоровья людей, против личности? Очевидно также, что неверно определять степень общественной опасности последствия деяний в виде установления степени тяжести вреда здоровью животных, а также выведение таких последствий в качестве квалифицированных составов либо специальных признаков административных и уголовных правонарушений, например: множественности жертв, или совершения деяния лицом с использованием своего служебного положения.

Истоки и причины этих и подобных им ошибок выявлены и продемонстрированы.

В завершение считаем необходимым извиниться перед читателями за допущенные в статье неакадемические, недостойные высокой науки термины, определения и понятия. Выражаем надежду на понимание. Просто наболело, за правовую систему державы обидно!

Библиография

Агешкина Н.А., Коржов В.Ю. Комментарий к Федеральному закону от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техниче-

ском регулировании» (по состоянию на 3 декабря 2012 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Азми Д.М. Тенденции развития системы права и системы законодательства в Российской Федерации // Адвокат. 2016. № 10.

Горохов Д.Б., Горохова Ю.В. Проблемы правового регулирования отношений по содержанию, использованию и охране животных, не относящихся к объектам животного мира // Законодательство и экономика. 2015. № 3.

Горохов Д.Б. О тенденции сомнительной легитимизации // Законодательство и экономика. 2015. № 10.

Горохов Д.Б. Проблемы правотворчества и соблазн сомнительной легитимизации: когда охота пуще неволи // Адвокат. 2016. № 2.

Горохов Д.Б. О некоторых тенденциях в современном российском законодательстве // Законодательство и экономика. 2016. № 6.

Развитие земельно-правовой науки: история и современность: Материалы круглого стола / сост. С.А. Боголюбов, С.А. Липски, М.В. Пономарев, Д.О. Сиваков. — М.: изд-во ГУЗ, 2015.

Контактная информация об авторах: Горохов Дмитрий Борисович, главный редактор журналов «Адвокат» и «Законодательство и экономика», ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, кандидат юридических наук; e-mail: lawесо@aha.ru.

Горохова Юлия Викторовна, старший преподаватель факультета журналистики Института массмедиа Российского государственного гуманитарного университета; e-mail: julia7709@yandex.ru.